

### От редактора рубрики

Сегодня есть веские основания говорить об особом значении факторов культуры в отношениях между странами и народами. Вполне наглядно эти факторы представлены в комплексе тех ценностей, которые *ведут за собой* правовые нормы, политическую идеологию и даже экономику развитых стран (стран, для которых в значительной мере снято экономическое ограничение заботы о "хлебе насущном"). Соответственно, можно предположить, что наиболее острые и глубокие конфликты в современном мире возникают на почве разных мировоззрений и идеологий. Разве не культурный характер в своей основе носит стремление этноса или религиозной общности обрести политический суверенитет? Разве не конфликтом ценностей обусловлено политико-правовое противостояние "либерального" Запада и "имперского" Востока (с примкнувшей к нему Россией)? Разве не очевидна культурно-историческая обусловленность западной идеологии прав человека? Не кажется ли поэтому, что основная угроза человечеству сегодня находится в особом культурном разломе, который уже приобрёл своё именование как "столкновение цивилизаций"? Понимая эти проблемы и угрозы, человечество пытается найти зоны согласия. В этом направлении работают многие международные организации. Один из примеров этому – движение "Альянс цивилизаций" при ООН и т.п.

В предлагаемой рубрике журнала рассматриваются только некоторые аспекты указанного выше мирового тренда. В частности, заход на проблематику отношения культуры и политики сделан через критический анализ доктрины мягкой силы. На взгляд авторов, эта доктрина отражает объективную тенденцию повышения значения (как минимум) факторов культуры в мировой политике и международных отношениях. Имеется в виду, что традиционные для политики инструменты силового давления или принуждения во многих случаях замещаются особыми формами "убеждения". В представленных статьях развёрнута позиция, что в международных отношениях происходит принципиальное изменение самой конфигурации баланса сил на международной арене и так, что "Центры силы" (политической и экономической власти) вынуждены трансформироваться в "Центры привлекательности" для основного ресурса любого государства, которым сегодня является "человеческий капитал". Решающее значение в отношениях между государствами (в конкуренции за политическое влияние и экономические ресурсы развития) приобретают именно человеческие ресурсы, так, что их воспроизводство, их привлечение "на свою сторону" становится главным фактором экономического процветания и политического веса государства. Между тем производством человеческих компетенций (как капитализируемых ресурсов) есть прямая функция культуры: системы образования (включая туда и научное образование в университетах), фундаментальной науки (спросим: многие ли страны могут себе позволить заниматься фундаментальными исследованиями?), масс-медиа, художественного производства и др. В условиях относительной открытости государственных границ (и в любом случае в условиях их проницаемости для информационных потоков) происходит радикальное возрастание человеческой мобильности. При этом обнаруживается, что сам образ жизни, культурные блага и ценности, в обязательном порядке защищаемые теми или иными теми правовыми и политическими режимами – всё это становится главным в межстрановой конкуренции за ресурсы развития. В этих условиях даже сугубо материальные факторы производства (типа ядерных технологий, как это показывается в одной из статей) обретают форму культурного влияния одной страны на другие. Именно на это историческое изменение ситуации в мире реагирует политическая мысль, выдвигая доктрину мягкой силы. Однако эта доктрина сохраняет политико-центрический характер, т.е. она рассматривает факторы культуры не в их собственной логике, но только как инструмент властного влияния. Поэтому и поставлен вопрос: возможна

ли иная конфигурация отношения политики и культуры, когда не политика ведёт за собой культуру, но культура политику?

Применительно к реалиям АТР следует отметить чрезвычайно серьёзное отношение к доктрине мягкой силы со стороны китайского руководства. Именно оно, как представляется, наиболее близко подходит к формированию культур-центрической модели отношения политических и культурных мотивов международных отношений. В этом же ключе следует оценить общее внимание восточноазиатских стран к коммунитаристской модели политического устройства общества как альтернативе либерально-индивидуалистической модели, господствующей в Западных странах. Уже по одной этой причине проблему факторов культуры в международных отношениях нельзя считать теоретической модой: проблема имеет ясное прагматическое измерение. Но важно обратить внимание на двусмысленность (и лукавство) самого концепта мягкой силы (*soft power*). Идеология мягкой силы прежде всего предполагает использование этого фактора для обеспечения своего политического (властного) интереса и влияния на другие страны. Именно поэтому оборотной стороной политики *soft power* становятся разного рода информационные барьеры, которыми государства начинают защищать своё культурное (идеологическое) пространство. (Тот же Китай тому пример). Предполагая, что значение факторов культуры во всех аспектах внутренней и внешней политики и экономики будет возрастать и далее, требуется предложить стратегический ход, снимающий нарастающий конфликт интересов стран и народов в этой области. Так, в противовес идеологии "мягкой силы" на обсуждение выдвигается гипотеза, что альтернативой её принципам может стать метакультурный подход, предполагающий использование факторов культуры для творческого соразвития стран и народов.

*С.Е. Ячин*